

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты
Спагетти, или Сюрприз для любимого
Игры, или Думаешь, это любовь?
Нарру End, или Измена в рамках приличий
Путаница, или Любимый мотив Мендельсона
Неотразимая, или Основы женского шарма

Не торопи любовь

Экстрим, или Девушка с амбициями
Дикарь, или Я все равно тебя найду
Ройбуш, или Маленькая женщина
Отпад, или Свадьба моего мужа
Иллюзион, или История одного развода
Фифа, или Счастья тебе, дорогуша!
Спонсор, или Муж объелся груш
Ежики, или Мужчины как дети
Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!
Ягодка, или Пилюли от бабьей дури
Stop! Это мужской мир, подруга!

Алиса, или Зеленый подъезд

Виртуальные связи

Квартирный вопрос, или Байки черного маклера

Плохие девочки

Гений, или Истории любви

Содержанки

Рыцарь нашего времени

Пепельный блондин

Загадай желание

Обыкновенный волшебник

Впервые в жизни, или Стереотипы взрослых женщин

Фокус–покус, или Волшебников не бывает

Как женить слона

Девушка без имени

Такая глупая любовь

Все дело в платье

Апрельский кот

Кот, который гуляет со мной

Личная жизнь женщины-кошки

Валентина Веденская

Алиса, или Зеленый подъезд

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта.

роман

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.
В26 Алиса, или Зеленый подъезд : [роман] / Татьяна Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-089487-1

Отношения — это всегда непросто. Михаил обожает свою жену Алису, но она почему-то отгораживается от него, уходит в себя. Супруг понимает, что с ней что-то не так. Однажды он находит несколько тетрадных листков, исписанных ее нетвердым почерком. Из них понимает, что с любимой произошло что-то ужасное. То, что она до сих пор не может пережить. Но что именно случилось, а главное, что делать? Пробриться через стену молчания невозможно. И Михаил решает показать Алисин дневник профессиональному психологу. Вдруг тот сможет пролить свет на ее прошлое и дать добрый совет. Но все оказывается гораздо сложнее, чем можно себе представить.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089487-1

© Саенко Т., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Памяти моего погибшего мужа Сергея

*Посвящается моим родителям
с благодарностью за подаренную мне жизнь*

**НЕСКОЛЬКО
ТЕТРАДНЫХ ЛИСТКОВ**

ДЕНЬ У

Он утонул как раз в тот день, когда я узнала, что беременна. Вернее, не узнала, конечно, а только почувствовала. Заимела такое дурное предчувствие, глядя на непочатую уже непонятно сколько времени пачку с крылышками. После того как он утонул, я не могла спать несколько недель, мне все снилось, как он летит, потеряв равновесие, в черные густые воды Невы. Непонятно, зачем сделаны на набережной эти странные портики, с которых и не захочешь, а грохнешься. Тем более зимой, когда кругом лед и слякоть. В ночь на шестое января, когда он утонул, на термометре высвечивалось плюс три. Если бы были морозы, если бы только были морозы, он остался бы жив. Но Нева не заледенела полностью, у берега ее вода только еще больше почернела, загустела наподобие подсолнечного масла и плескалась на ветру, заливая гранит портика. Если бы ее сковало льдом, Эдисону некуда было бы падать, бестолково размахивая руками. Если бы, если бы, если бы... Их так много, настолько много, что можно до

бесконечности крутить их в голове, нагнетая иллюзии, что от этого что-то изменится. Ничего подобного. Он уже утонул. Конец. Его смерть останется только в памяти, моей и Лекса, и все же, на тот случай, если я когда-нибудь рискну забыть этот день и решить, что все у меня прекрасно, я оставлю себе это напоминание. Тоненькая тетрадка, собрание моей боли. Хранилище моей смерти, пусть несет память на бумаге, если моя исчезнет в сумерках пропащей жизни. Итак... День Y. День второй. Мы гуляли. Мы подошли к Неве, как-то совершенно случайно наткнувшись на набережную, которая развернулась перед нами лентой после очередного поворота. До этого мы бродили по ночному Питеру уже несколько часов, периодически уничтожая очередной косяк. Осматривали достопримечательности. Лекс таскал с нами Эдисона, хотя именно у нас с Лексом была настоящая любовь. При чем здесь Эдисон, я не понимала, но перечить моему новоявленному супругу не хотела.

— Какая красота! — закричала я, вылетев к Неве из грязной подворотни. Впервые в жизни я видела такую красивую и просторную реку. У меня захватило дух.

— Нравится? — удовлетворенно и покровительственно притянул меня к себе Лекс.

— Элис, ты что, никогда не была в Питере? — удивился Эдисон. Он вытаращил глаза и принялся строить дикие рожи. Что ж, целый день в компании Лекса с полными карманами травы уже сказывался на нем. Он был бледен, глаза светились нездоровым возбуждением. Он бурно

жестикулировал и на мои вопросы отвечал не всегда с первого раза.

— Никогда! — радостно кричала я и кружилась, размазывая по толстеному граниту поручней вязкий снег.

— Ты такая смешная!

— Лекс, как хорошо!

Мы хохотали и шли, полируя дорогу под ногами. Нам было все равно, куда идти. Около двенадцати ночи, на набережной — ни одного человека. Редкие машины тревожили наше уединение посреди ночного города. На самом деле даже странно, как теперь кажется, насколько пустынной оказалась набережная в тот момент. Все-таки центр культурной столицы, новогодние праздники, должны же были оказаться там какие-нибудь другие бесцельно шатающиеся люди, кроме нас. Но эта мысль тоже из разряда «если», которых я перебрала массу, только чтобы как-то успокоить воспаленный мозг.

«Если бы кто-то проходил мимо, если бы мы гуляли по оживленной Дворцовой набережной, если бы портик был закрыт, ничего бы не случилось...» — как заклинание повторяла я, глядя перед собой и трясаясь от холода всю следующую неделю. По иронии судьбы, именно я первая заметила ступеньки, ведущие к воде. Спуски к Неве имеются по всему периметру реки, они сделаны таким образом, что спустившийся оказывается прямо у плещущейся кромки. Вода облизывает ботинки, притягивает к себе, чернеет и пугает. С тропинки, тянущейся вдоль набережной, человека не видно, и получается такой укромный уголок.

— Смотри, вода.

— Первый раз воду увидела?

— Лекс, прекрати. Просто она так близко. Почему она не заледенела вся?

— Тепло.

— Да, тепло. — Кромка льда отступала от границы набережной метров на десять. И сам лед был каким-то странно-уродливым, изломанным, наваленным грязными кучами по телу реки.

— Как будто тут прошел ледокол.

А может, и прошел. А куски потом сбились обратно и слиплись.

— Послушай, Эдисон. Ты как, не считаешь, что этот уголок Вселенной нам подходит больше всего? — таинственно и одновременно игриво спросил мой Лекс.

— Ага... — промычал тот и принялся рыться в карманах. Я была в курсе, хотя в тот момент весь мой опыт употребления наркотических веществ сводился к траве. Меня пробивало на «ха-ха», и все. Собственно, откуда взяться большому жизненному опыту в восемнадцать лет?

— Элис, ты уже большая девочка? — спросил меня Лекс.

— Я же вышла за тебя замуж, — усмехнулась я. Лексу было двадцать пять, и он казался мне воплощением вселенского знания и опыта. Гуру, вуду и моя первая учительница в одном флаконе. К тяжелым наркотикам я отнеслась положительно, они давно вызывали мой интерес. Но никто не предлагал. В Москве, откуда я три дня назад уехала навсегда, как-то не было принято употреблять на

улицах ничего тяжелее травы. И вообще, у нас народ как-то больше традиционно пил, в крайнем случае курил анашу и кололся кетаминном. Ненаказуемо.

— Тогда отойди от воды и не отвечивай.

— А что будет?

— Тсс. Увидишь.

— Тебе понравится, — уверенно добавил Эдисон, вытащив из-за пазухи какой-то флакон.

— А что это? — я не могла унять. Мне так много рассказывали, что мой Лекс — парень с большим и обширным опытом, но все то время, что я его знала, он ни разу не достал шприц. Может, только при мне, я не знаю.

— Винт. Это винтик, отлили мне раствора добрые люди, — успокоил меня добрый-добрый Эдисон.

— А на всех хватит? — заглянул через плечо Лекс.

— Надо аккуратно раздербанить. Ей децл выберешь — и хватит.

— Почему? — возмутилась я.

— По кочану. Мала еще.

— Вот так всегда. Мне же интересно! Сделайте сколько надо.

— Да тебе и правда много не надо в первый раз. Расколбасит по-любому. — Эдисон начал греть пузырек горячей зажигалкой. У него была бензиновая «Зиппо», жирненькая серебряная бляха.

— Ты специально такую зажигалку носишь? — восхищенно присвистнула я.

— А как же! — Эдисон вынул маленькую упаковку со шприцами. — Тебе расчехлить? — предложил он Лексу.

— У меня портативный набор, — ответил тот и достал из рюкзака черный кожаный пенал. Это была его фишка, своеобразная визитная карточка, добавлявшая ему колорит. В пенале лежали жгут, пара шприцев, флакончик со спиртом и жвачка. Я еще в Москве много раз рассматривала содержимое пенала и думала, что все-таки выхожу замуж за удивительного человека. За того, кто не боится следовать своему «Пути». И который не побоится взять меня с собой.

— Элис, иди сюда, — охрипшим голосом произнес он. Я задрожала от предвкушения чего-то неизвестного. Говорят, что наркоманом можно стать с первого укола. А про меня говорили: Элис пропадет в любом случае, рано или поздно. От наркоты, от водки или сама собой. Такие оторванные не живут долго. От этих разговоров мне становилось не по себе. Но и странным образом они меня радовали. С некоторых пор я и представить себе не могла, что проживу долгую обывательскую жизнь, рожая детей и мечтая о постройке дачи. Нет уж. Только не я. У меня с этим миром нет ничего общего. Уж лучше рано или поздно умереть от передозировки, выброситься из окна, оставив на асфальте кровавую отметину. Улететь в небо и стать наконец свободной от всего.

— Чего вылупилась? Волнуешься? Руку давай, — не напрягая себя тактичностью, выдал Эдисон. Он явно нервничал, оглядываясь на ступеньки. — Давай-давай. Быстрее. В этом городишке еще не перевелись строгие дядьки в форме.

— Что ты так дергаешься? — спросил Лекс. — У тебя вон руки дрожат.

— Холодно.

— А как же ты ставиться-то будешь?

— Уж как-нибудь попаду. Опыт не пропьешь.

— Элис, давай.

— Почему я первая? — не поняла я.

— Потому что сама ты не уколешься. А мы потом можем и не смочь.

— А... — Я протянула руку, накинув куртку на плечо. Свитер мешался, и жгут наложили прямо на него. Мои глаза расширились, все внутри запротестовало в природном нетерпении боли и чуждого проникновения. Каждый раз потом эти чувства охватывали меня, но к ним привыкаешь. А вот к боли, которая жгла изнутри, я так и не смогла привыкнуть никогда.

— Ну как ты? — заботливо поинтересовался муж. Как я? Кто?.. Ах да, а как я, кстати? АХ!

— Вставило! — удовлетворенно произнес Эдисон, глядя на меня.

— Ну, поскакали?

— Ага, — Эдисон склонился над пузырьком. Я из-под ресниц наблюдала за ними, и мне хотелось пуститься в пляс. Взрыв сознания, который заполнил меня всю, нельзя было сравнить ни с чем, что я переживала ранее. Да, однозначно, я пошла правильным путем. «Правильной дорогой идете, товарищи».

— А где раствор?

— Да тут.

— Тут нет ни черта. Ты все себе засадил.

— Как нет? Не может быть.

— Да иди ты к черту, ублюдок! Ты все засосал себе.

— Я оставил половину.

— Нет, ты ни хрена не оставил!

— Оставил, — уверенно отбрехивался Эдисон. Ему было уже все равно, поток эйфории уже накрыл его. Я хотела гулять, хотела петь, плясать. Меня напрягали звуки нарастающего скандала.

— Сколько там было? Ты помнишь?

— Много.

— Идиот. Сволочь, — зверел обездоленный Лекс. Никогда раньше я не видела, что от ярости он готов рычать и скалиться. Как ужасно он похож на волка.

— Ты не гони, Лекс. Ты сам небось все пролил. Не сваливай на меня.

— Я и в руках твой дерьмовый пузырь не держал.

— Ну, хочешь, поехали за эфедрином.

— Ты скотина.

— Сам скотина, — решил защитить свою честь Эдисон.

Я стояла, вжавшись в гранит набережной. Холод вдруг протек волной по моему телу. Воздух над Невой сгустился и почернел. Словно исчезла граница между водой и небом и все вокруг превратилось в вязкое масло. Я смотрела сквозь орущих друг на друга на черную воду, и она превратилась в живое существо, лижущее языками своих двадцати голов ноги Эдисона. Водяной дракон шевелил пальцами, пытаясь зацепиться за его шнуры.

— Ты мне будешь говорить, что я говно? — орал, брызгая слюной, Лекс.

— Да ты достал меня. Убирайся, а то хуже будет.

— Ты мне угрожаешь? Ты меня испугать, что ли, хочешь? — изумился Лекс и толкнул в плечо Эдисона.

Тот в ответ с размаху шлепнул кулаком по Лексову лицу. Муж пошатнулся. Из губы потекла кровь, а из глаз — бешенство и слепая ярость. Я завизжала, но было уже поздно.

— Чтоб ты сдох, — плюнул на Лексову куртку Эдисон.

И тут мой муженек бросился вперед. С разворота он по инерции всем корпусом упал на Эдисона. По сути, они должны были упасть оба. Но Черная Питерская Река, это живое существо с аппетитом беженцев Эфиопии, утянула за ноги Эдисона, отвергнув Лекса. Нелепо размахивая руками, Эдисон заскользил на портике, корпус отклонился от вертикали, и с громким всплеском он опустился в воду. Течение тут же понесло его в сторону искрящегося красивого моста. Его затягивало под лед. Воронки раскручивали руки, которые он тянул, безнадежно пытаясь нащупать опору. Его крик захлебывался в ледяном холоде. Нева заливалась ему в рот, спутывала его руки, утяжеляя одежду. Через несколько минут он ушел под лед, но мое сознание само дорисовывало картину того, как он перебирает ладонями по льду, пытаясь его пробить. Как остатками лишеного кислорода разума он ищет направление берега. Как жутко холодно и темно под этим грязным изломанным льдом.

— НЕ ВИЗЖИ! ЗАТКНИСЬ! — раздался голос над моим ухом, и тут же наступил воздушный вакуум.

Я не сразу поняла, что мне заткнули рот и нос, но с яростью начала вырываться. Наркотический кайф добавил мне силы, но Лекс был сильнее, намного сильнее меня. Он повалил меня на портик и накрыл собой. Он дал мне дышать, но рот по-прежнему держал, больно обхватив оконстеновыми пальцами подбородок. Я билась всем телом и рыдала. Все, что я видела, — это кусок его груди, его подбородок и еле различимые глаза. Его глаза впились в реку и смотрели, не отрываясь, на то место, где вода скрыла последний раз выплывшего обдолбанного эфедриновым винтом Эдисона.

— Ты что, хочешь за ним? — спокойно и безмятежно спросил он.

— Нет, — замотала я головой. Когда-нибудь я наверняка выброшусь из окна. Но сегодня я не могу умереть. Не могу опуститься в грязную ледяную воду вслед за человеком, о котором знаю только то, что он Эдисон из Волгограда, старый знакомый Лекса, моего новоиспеченного мужа.

— Так-то. — Он убрал руку с моего рта. Но ничего, кроме щенячьего повизгивания, из меня не вылезло.

— Ты его убил.

— Я его не убивал, что ты плетешь. Он сам упал.

— Ты его толкнул.

— Так, ну-ка, вставай.

— Нет! — Я страшно испугалась его разъяренного вида. Он был убийцей, он, не задумываясь, убил бы и меня, если бы счел это необходимым.

— Да не бойся. Нам надо отсюда обратиться по-быстрому.

— А вдруг нас кто-то видел?!

— Час ночи, это же пролетарский район, одни заводы. Никто никого не видел. И мы никого не видели.

— Ага, — всхлипывала я. Передо мной неотрывно стояло лицо Эдисона.

— Иди сама, я не могу тебя все время волочь.

Я оглянулась и поняла, что мы с Лексом уже некоторое время тащимся в обнимку по набережной и уже подходим к тому самому мосту, на фоне сияющих огней которого течение утащило Эдисона под лед.

— Почему в Неве течение такое сильное?

— Не знаю. Это же все-таки морская река.

— А может, чего-то сбрасывают.

— Может, — согласился Лекс так, словно мы вели светскую беседу.

Я снова впала в истерику.

— Что мы делаем? Ты с ума сошел? А вдруг он еще жив?

— Кто?

— Эдисон.

— Это кто такой? Ты его знаешь? — спокойно и страшно глядя мне в глаза, спросил Лекс.

— Что?

— Не чтокай! — Что-то горячее обожгло мне щеку. Я с изумлением проследила за его ладонью, которая только что залепила мне пощечину.

— Ты меня ударил, — вылупилась я. Никто и никогда не бил меня по лицу.

— Дура, я пытаюсь привести тебя в чувство.

— Эдисона никто никогда не приведет в чувство.